
УДК 81'373:811.352.3

ББК 81.03

К 18

Камбачоков А.М.

Доктор филологических наук, профессор, директор Межотраслевого регионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки руководителей и специалистов Кабардино-Балкарского государственного университета, e-mail: akamb@mail.ru

Губжокова Д.Д.

Заместитель директора Межотраслевого регионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки руководителей и специалистов Кабардино-Балкарского государственного университета, e-mail: gubz@list.ru

Особенности функционирования зооморфизмов в кабардино-черкесском языке *(Рецензирована)*

Аннотация:

Исследуются особенности функционирования в художественной речи кабардинцев и черкесов словоформ и словосочетаний-метафор со стержневым словом – названием живого существа, дающих образную характеристику человеку. Проводится анализ лексической семантики зооморфизмов, определяются их компонентный состав, границы применения и синтаксическая позиция в составе предложения. Выявляются наиболее эффективные способы достижения либо усиления экспрессивности в кабардино-черкесском языке посредством зооморфизмов.

Ключевые слова:

Ассоциативно-образное переосмысление значения, выразительность речи, зооморфизмы, метафора, экспрессивность.

Kambachokov A.M.

Doctor of Philology, Professor, Director of Interbranch Regional Center for Improvement of Professional Skill and Professional Retraining of Chiefs and Specialists of Kabardino-Balkar State University, e-mail: akamb@mail.ru

Gubzhokova D.D.

Deputy Director of Interbranch Regional Center for Improvement of Professional Skill and Professional Retraining of Chiefs and Specialists of Kabardino-Balkar State University, e-mail: gubz@list.ru

Features of zoomorphism functioning in the Kabardino-Circassian language

Abstract:

The paper deals with the features of functioning in art speech of the Kabardians and Circassians of word forms and phrases-metaphors with a rod word – the name of the live being, giving the figurative characteristic to the person. The authors make an analysis of

lexical semantics of zoomorphisms, define their composition, borders of application and a syntactic position in the sentence. Besides, the work reveals the most effective ways of achievement or strengthening expressivity in the Kabardino-Circassian language by using zoomorphisms.

Keywords:

Associative and figurative reconsideration of the meaning, expressiveness of speech, zoomorphisms, metaphor, expressivity.

Важнейшей языковой функцией метафоры как одного из ярких тропеических образований, характеризующихся способностью ассоциативно-образного переосмысления значения, является достижение в речи эффекта экспрессивности. «Метафора представляет собой достаточно сложный механизм, обладающий рядом специфических функций. С одной стороны, функции метафоры можно охарактеризовать однозначно и просто, с другой стороны, определение спектра функций метафоры вследствие ее многогранности является сложной задачей» [1: 123]. В лингвистике стало традиционным выделение различных типов метафор в зависимости от сферы номинации [2; 3; 4; 5 и др.]. Следуя данной традиции, считаем возможным выделение в адыгских языках таких групп по типам метафоризации, как «Неживое существо – неживое существо»; «Неживое существо – живое существо»; «Живое существо – неживое существо» и «Живое существо – живое существо». Внутри же групп «Живое существо – неживое существо» и «Живое существо – живое существо» можно отдельно выделить подгруппы «Человек – неодушевленный предмет», «Человек – человек»; «Человек – вымышленные существа» и «Человек – животное».

Метафоры, относящиеся к подгруппе «Человек – животное», в литературе именуется зооморфизмами. Данный тип метафоризации основан на переносе названий живых существ, реально имеющих место в природе (диких и домашних животных, птиц, рыб, рептилий), на сферу «человек». Подобные метафоры в разных языках дают яркую, образную

характеристику поведением человека, его образу мышления, внешнему виду, физическим, морально-этическим, и другим качествам. При этом «удивительное совпадение между различными языками в характере метафор свидетельствует о наличии сходства в их функционировании на ментальном уровне» [6: 93]. Словоформы, словосочетания со стержневым словом-названием живого существа и целые выражения, относящиеся к данной категории метафор, могут характеризовать человека в зависимости от контекста как с положительной, так и с отрицательной стороны. Так, к обобщенным зооморфизмам (т.е. словам, обозначающим не конкретно того или иного животного, а выражающим целые подвиды живых существ), наиболее часто употребляемым носителями кабардино-черкесского языка для негативной характеристики человека, являются *былым*, *хьейуан*, *Іэц* – «скотина», *хьэкІэкхъуэкІэ* – «зверь (зверье)», реже – *хьэпцхуцц* – «ползучий, ползучие» – обобщающее слово, обозначающее червей, гусениц и т.п. При этом *былым*, *хьейуан*, *Іэц* – «скотина» в устах кабардинца является, как правило, выразителем черт характера нерасторопного, туго соображающего, туповатого человека. Применяется в разговорной речи. В литературном языке употребляется крайне редко. В предложении может занимать синтаксическую позицию субъекта, объекта, предиката. Часто используется в форме обращения: *А былымым хузэфІэгъэкІынт-тІэ апхуэдэ пцэрыльыр?* – «Да и как справиться-то было этому тупице (букв.: скотине) с подобным поручением?» Для еще более яркой негативной характеристики объ-

екта речи субъектом речи в кабардино-черкесском нередко употребляется словосочетание *Іэщ хуэна* – «разнаряженный, одетый скотина», обозначающее: «Он хоть и одет как человек, но по своим достоинствам ничуть не лучше скотины, т.е. он есть одетый, но скотина». В языке имеет место еще более хлесткая формулировка данного понятия: *БжъакъуитІ цхъэкІэ хъун бэгъуам хокІыж* – «Лишен возможности пасть в великолепном травостое ввиду отсутствия у него (двух) рогов (т.е. ни дать, ни взять – скотина, и только-то рогов не хватает)». Особенности как строения, так и употребления данного выражения заключаются в том, что в его составе, по существу, не присутствует само характеризующее слово *Іэщ* – «скотина», что формально лишает выражение налета бранности и оно может быть употреблено практически любым субъектом речи в любом обществе. Это значительно расширяет границы его применения. Помимо этого, неординарность, необычность способа оценки качеств характеризующего резко усиливает экспрессивный потенциал данного выражения.

Зооморфизм *хъэпцхутиц* – «ползучий» употребляется для обозначения понятия «скудный умом»; приблизительно соответствует выражению «имеющий всего две извилины в мозгу». Метафора применяется для характеристики поступков человека, наделенного весьма скромными умственными способностями (образно – умственными способностями червя, гусеницы и т.д.).

Метафора *хъэкІэкхъуэкІэ* – «зверь (зверье)» применяется для выражения чувства крайнего возмущения, негодования, презрения либо ненависти по отношению к объекту речи: *ХъэкІэкхъуэкІэц ахэр, гуцІэгъу лъэпкъ зыбгъэдэмыль хъэкІэкхъуэкІэц, яфІэтыр итІрэ лъакъуитІми, уеблэмэ нэхъеижхэц: фашистиц ахэр, зэрыпхъуакІуэхэц (С.Къ.-Б.)* – «Звери они, лютые звери, хотя о двух руках, о двух ногах, даже хуже зверей:

фашисты они, захватчики». Для выражения понятий «бесчеловечный», «жестокый», относящихся не к одному человеку, а к нескольким людям, клану, роду или целому социальному слою в обществе, в языке употребляется выражение *дыгъужь гуп* – «волчья стая»: *Дыгъужь гупым сумыгъэххыу жыпІа псалъэр схуэгъэзащІэ (Щ.А.)* – «Не допусти, чтобы меня загрызла волчья стая (в значении: плохие люди), выполни свое обещание».

Для подчеркивания тех или иных качеств человека, негативных с точки зрения субъекта речи, в языке часто используются слова, являющиеся названиями домашних животных. Это, в первую очередь, имена существительные *хъэ* – «собака», *кхъуэ* – «свинья», *вы* – «вол», *шыд* – «осел», *шы* – «лошадь», *гуу* – «бык» и др.: *Йофыгъуэр иджы си гур а хъэпшырым, щІохъуэпсыр къыхутэну абы и пІэм (Лу.Б.)* – «Завидует теперь мое сердце этому несмышленищу (букв.: щенку), мечтает оказаться на его месте». *ТекІ бжэцхъэІум! Хъэм улыыхъуэм, хъэхэм я кхъэм щІатІэжащ. МазитІ хъуащи, большевикъу а уи лъыжъыр щІавэжащ! (Щ.А.)* – «Прочь с порога! Если ищешь недостойного (букв.: собаку), то его закопали на кладбище собак. Уже два месяца, как твоего мужа зарыли в землю, как большевика». *Выц Болэт щІакъуэ – сьт вым къыпыхынур?* – «Тупой (букв.: вол) хромой Булат – какой с вола спрос?» *МатІи Тыкъи зэцхъыркъабзэц, хъыджэбз мыгъуэжъ: МатІ къуийц, Тыкъэ гууц, хъыджэбз мыгъуэжъ (А.у.)* – «Мат и Тика одинаковы, несчастная девушка: Мат плешивый, Тика большой любитель женщин (букв.: бык), несчастная девушка».

Уже одно только название человека собакой, свиньей, ослом, лошастью и т.д. является собой в психологическом отношении весьма ощутимый удар для адресата речи. Это, пожалуй, одно из самых эффективных средств достижения экспрессивности в любом языке. Вместе с тем, для еще большего усиления оценки негативных качеств

человека в кабардино-черкесском языке часто, пожалуй, еще чаще, чем сами слова-названия животных, употребляются устойчивые сочетания, в которых стержневыми компонентами являются слова-названия животных. В подобных формах отражается не только название животных, но также дается разнообразная, порою далеко не позитивная информация о свойствах, чертах характера данного животного (например, не просто *хьэ* – «собака», а *хьэжь* – «старая (плохая) собака», *хьэжь хьэулей* – «старая бездомная собака», *хьэбз* – «собака-самка – сучка», *хьэжьэцI* – «собачье нутро» и т.д.): *хьэ цэхурьпхьэуэ* – «собака, кусающаяся исподтишка», *хьэнэжь* – «собачья морда», *хьэцхьэрылуэ* – «бешеная собака», *хьэм и нэмыс зымыгьэуэ* – «не удостаивающийся и собачьей чести», *хьэлуэс (щIын)* – «отвернуться (букв.: превратить в собачью слюну)», *хьэ льякьэуэ зыфIэ* – «бродяга (букв.: наделенный собачьими лапами)», *шыхьужь* – невоспитанная (букв.: с повадками старого жеребца (о грубой женщине)), *шыхьужь зеклуэжIэ* – «не отличающаяся хорошими манерами (о девушке, женщине) (букв.: имеющая походку старого жеребца)», *шымыгьасэ* – «необузданный (букв.: необъезженный конь)» и др.

Другим способом усиления экспрессивности на психологическом уровне в подобных конструкциях является вплетение в их состав информации, включающей в себя нелестный отзыв не столько о самом характеризуемом человеке, сколько о близких, дорогих ему людях – название, например, псом не самого характеризуемого, а тех, кто его родил. Он в подобных формулировках всего-навсего рожденный собакой: *А хьэм кьильхуар зэжьэцIыпхьэуэ кьысхуэфхь (А.у.)* – «Принесите мне этого недостойного (букв.: псом рожденного) в связанном виде». *Хьэмэ кьильхугьэ, сэ шыбз схуэхункьэ? (Н.)* – «Недостойный (букв.: псом рожденный), разве я не сумею угнать табун кобылиц?» *Уи фIеягьэр кьэуэбуфэну сын жа зытцIри ууваи. Ем ихьыну уэ хьэм и пхьур нэмысфIэ ухьу-*

жаи (Щ.А.) – «Ах ты падшая (букв.: дочь собаки), забери тебя чума, скрыв свои неблагоприятные дела, ты теперь застыла, словно изваяние, изображая из себя святую невинность?!» *А хьэм и кьэуэм, сьдэмысмэ, фьзхэм лыгьэ хузэрехьэ (Щ.А.)* – «Этот недостойный, трус (букв.: сын собаки) хвалится своей храбростью перед женщинами, когда меня нет дома». *Сьту гуауэ, хьэм кьильхуахэр дауэ хьэуэ кьызуа? (Щ.А.)* – «Какая досада, как посмели достать меня собакой рожденные?»

Как было указано выше, для характеристики как положительных, так и отрицательных качеств человека в языке нередко употребляются названия диких животных, птиц, рептилий. При этом те или иные черты характера человека передаются с помощью словоформ, обозначающих названия живых существ, обладающих соответствующими повадками: *бэжэ* – «лиса» – хитрость, *дыгьужь* – «волк» – злость, жадность, предрасположенность к воровству, хищению; *хьэлуцыдз* – «шакал» – подлость, нахальство, нечистоплотность, т.е. способность выживать любой ценой, не гнушаясь никакими средствами, в том числе поеданием падали; *пыл* – «слон» – сила, выносливость; *мэзджэду, елэн* – «рысь» – ловкость; *аслэн* – «лев», *кьэллэн* – «тигр» – грозный, крутой нрав; *бгьэ* – «орел» – бесстрашие; *кьашьргьэ* – «ястреб» – воинственность; *мэлхьэпIамIэ* – «клещ пастбищный» – настырность, прилипчивость; *мацIэ* – «саранча» – ненасытность, прожорливость; *бдзэжьей* – «рыба» – употребляется в значении «скользкий»; *аргьейдэжэ* «рыба семейства осетровых, намного меньше лосося (букв.: мчащийся вместе с лососем, сопровождающий лосося) – употребляется в значениях «подхалим», «подручный», «свита»; *блэ* – «змея», *блащхьэуэ* – «гадюка» – агрессивность и т.д.: *Май махуэ! КьухьэпIэм и блэжьхэр уи дыгьэм егьэс (Щ.А.)* – «Майский день! Спали в огне твоего солнца агрессоров (букв.: поганых

змеев) Запада». – *Унафэциҕыр кэса?* – *И кабинетым иҕыхэжащ, аргэйдэжэхэри иҕыгэу* – «Начальник прибыл? – Зашел в свой кабинет в сопровождении подручных (букв.: мчащихся вместе с лососем)». *Жылэр хэцихэрыҕуэци, сэ кыисхуодыгэужь* (КҮ.Б.) – Сельчане – чудовища, смотрят на меня со злобой (букв.: волком)». *Кьуришыбгээ бзаджэхэм зы ныбгэуэ сэ сапхуэтэнкИэ дзыхыгэуэци* (Щ.А.) – «Опасаясь, что свирепые и бесстрашные похитители (букв.: горные орлы) меня умыкнут, словно перепелку». *Ар мацИэци, зы Иэнэ нэрытҕысхэгэуэкИэ пхуримыгээкэуни* – Он обжора (ненасытный, букв.: саранча), его невозможно насытить за один присест».

Для обозначения внешнего вида (красоты или, напротив, неприглядности) человека нередко используются слова, обозначающие названия живых существ. Но при этом на первый план выходят уже не физические качества этих живых существ, не их повадки, а их внешний вид: слаженность тела, красота или безобразность. К таким часто употребляемым в кабардино-черкесском языке зооморфизмам относятся: *тхэрыкэуэ* – «голубка» с различными определениями: *си тхэрыкэуэ* – «моя голубка», *тхэрыкэуэ шыр* – «детеныш голубя»; *тхэрыкэуэ тцэху* – «белошея голубка»; *губгэуэ тхэрыкэуэ* – «степная голубка»; *хы тхэрыкэуэ* – «морская голубка (чайка)»; *кэаз* – «лебедь»; *тцҕацхэуэ (шыр цыкҕу)* – «ласточка (детеныш ласточки)»; *бланэ* – «лань»; *бжэо (шыр)* – «лось (детеныш лося)» *мэз бжэн* – «косуля». Все перечисленные метафоры являются выразителями понятий «стройная», «красивая», «привлекательная». Применяются при описании внешности девушек, молодых женщин; намного реже – детей: *УмыцИ*

уи жагэуэ, си тхэрыкэуэ, ҕуэху пхэнжу кэекҕуэклар (КҮ.Б.) – «Не принимай близко к сердцу, моя голубка, все неправильно произошедшее». *Сыт пхуэсцИэн, тхэрыкэуэ бгэху?* (Щ.А.) – «Чем мне помочь тебе, белогрудая голубка?», *Уэ, губгэуэ тхэрыкэуэу фИэрафИэ, цауэм я нэхыфИыр пхуэфацэци* (Щ.А.) – «Ты, ласковая степная голубка, достойна лучшего из женихов», *Жыг цҕагэ мэз бжэныр гупсысэм зэциубыдаци зегээж* (Щ.А.) – «Косуля под деревом застыла, охваченная глубокими раздумиями», *Хэт а бжэо цыкҕур цакҕуэ цҕалэфҕу зи кэпхээн цэхум фИэфҕу кыихээнур?* (Щ.А.) – «В потайные ловушки какого молодого и удалого охотника добровольно попадет этот молоденький лосенок?»

Для обозначения неприглядного, с точки зрения субъекта речи, внешнего вида в языке может быть употреблена словоформа *номин* – «обезьяна»: *Хэт а номиным теллэр: е теплэккым, е пгыфэккым; тцациэ дэсц жытИэнуци, шыкху зекҕуэкИэци, и цхыцыр кыхь цхэкИэ и акылыр кИэци* – «Кто будет сохнуть по этой обезьяне: ни внешности, ни красоты; надо бы полагать, что девушка на выдании, так походка как у жеребца, волосы длинные, да ум короткий».

Таким образом, умелое использование зооморфизмов для оценки как положительных, так и отрицательных качеств человека путем передачи тех или иных черт его характера с помощью словоформ, обозначающих названия живых существ, обладающих повадками, соответствующими характерным особенностям объекта речи, является весьма эффективным средством не только достижения, но и существенного усиления экспрессивности на психологическом уровне.

Примечания:

1. Кузоятова О.С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафоры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искус-

-
- ствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 119-126.
2. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Т. 5. 975 с.
 3. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
 4. Николаева А.М. О лексико-семантических средствах выражения экспрессивности в якутском языке // Гуманитарная наука в трудах молодых ученых Института гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия). Якутск, 2006. Вып. 4. С. 209-214.
 5. Илларионов А.В. Средства выражения экспрессивности в произведениях современных горномарийских писателей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2008. 19 с.
 6. Буглак С.И. Соотношение сравнения и метафоры в английском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 90-94.

References:

1. Kuzoyatova O.S. The basic directions in metaphor cognitive researches // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2011. Issue 4. P. 119-126.
2. Short literary encyclopedia / ed.-in-chief A.A. Surkov. M.: Sov. encyclopedia, 1968. V. 5. 975 pp.
3. Lukyanova N.A. Expressive vocabulary of the colloquial use: problems of semantics. Novosibirsk: Nauka, 1986. 232 pp.
4. Nikolaeva A.M. On lexico-semantic means of expressivity in the Yakut language // Humanitarian science in the works of young scientists of the Institute of the AN Humanitarian Researches of the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk, 2006. Issue. 4. P. 209-214.
5. Illarionov A.V. Means of expressivity in the works of modern Gornomariysk writers: Dissertation abstract for the Candidate of Philology degree. Yoshkar-Ola, 2008. 19 pp.
6. Buglak S.I. The correlation of comparison and metaphor in English // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2011. Issue 4. P. 90-94.